

ОДА Державина “НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ Мещерского” КАК ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ СМЕРТИ

Аннотация

В статье рассматривается классическая ода Г.Р. Державина 1779 года. Анализируется ее связь с “Ночными мыслями” Эдварда Юнга. Показывается экзистенциальный характер понимания Державиным смерти, в перспективе которой жизнь человека только и может приобретать самоосновный и самооценностный характер.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, Эдвард Юнг, ода, классицизм, вневременность, онтологическая полнота.

Одним из важнейших метафизических текстов русской лирики является появившаяся в сентябрьском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1779 г. ода Г.Р.Державина «На смерть князя Мещерского». Вопреки жанровому канону, предписывавшему посвящать оду событию общезначимому, в траурном случае – кончине монарха, великого полководца или государственного деятеля, Державин пишет свой стихотворный текст по поводу события, с точки зрения классицизма, достойного элегии – по поводу смерти частного лица, его знакомого князя Мещерского, не занимавшего никаких видных постов и не прославившегося военными, административными или хотя бы художественными дарованиями. Кстати, на такой «неканонический» характер оды намекало даже ее первоначальное название («К Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть Александра Ивановича Мещерского»), превращающее ее в род стихотворного послания.

Однако уже первые строчки, гудящие набатом колокола, выдавали ее чисто одический пафос:

Глагол времен!¹ металла звон!
Твой страшный глас меня смущает...

И сразу же выявляли метафизическую проблематику. Современному читателю вспоминается Джон Донн, слова которого стали афоризмом: «Смерть каждого человека уменьшает меня, ибо я един с человечеством; и потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол; он звонит по тебе». Державин, конечно, Донн не знал. Тем удивительнее, что мысль английского поэта делается стержнем державинской оды: смерть любого чело-

¹ Внутренняя рифма первой строки «времён» – «звон», придающая ей такую выразительность, скорее всего, – достояние сегодняшнего способа огласовки. В державинские времена, надо полагать, читали «времен» – через «е».

века – это как бы и твоя собственная смерть. По этой причине бытовой факт внезапной кончины одного из приятелей становится событием экзистенциальным, порождающим поток лирических откровений, которые могут идти только из глубины субъекта. Повествуя о смерти Мещерского, Державин говорит о своей собственной смерти, ставшей гештальтом смерти любого человека.

Как уже было сказано, Джона Донна Державин не знал, но зато он мог иметь доступ к немецкому переводу (выполненному Арнольдом Эбертом) «Ночных мыслей» Эдварда Юнга². И уж без всякого сомнения читал первые части русского перевода этой поэмы, осуществленного А.М.Кутузовым, которые стали появляться в журнале «Утренний свет» в 1778 году³. У Юнга (и тут можно заподозрить дальнюю аллюзию на строки Донна) читаем: «Я слышу: час бьет!... Се смертный звон скончавшихся моих часов». Попутно замечу, что державинские строки

Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах...

по-видимому, также следуют Юнгу, у которого: «Безпомощный, бессмертный! безконечное насекомое! червь! Бог! – Я сам трепещу и теряюсь пред собою» (перевод Кутузова). В другой оде Державина «Бог» эти контрастные образы найдут прямое соответствие⁵.

Итак, ода Державина питается чувством единства с каждым человеком и с человечеством в целом в противостоянии смерти. Д.В. Ларкович пишет по этому поводу: «... событие конкретной смерти обычного человека

оказывается поводом для авторской рефлексии о смысле человеческого бытия и общих законах мироздания. В результате смысловая структура державинской оды претерпевает оригинальные метаморфозы: впервые в русской литературе такие категории, как высокое — низкое, частное — общее, вечное — временное, абстрактное — конкретное, перестают быть категориями взаимоисключающими и вступают в отношения своеобразного синтеза»⁶.

Этот антиномичный характер державинского текста воплощается прежде всего в том, что одическое, то есть приподнятое, в финале даже восторженное звучание стихотворения противоречит смыслу его же неутешительных констатаций. Ведь перед лицом «жерла вечности», как будет сказано в последней оде поэта («На тленность»), которым «пожрется» все сущее, жизнь человека не имеет смысла. Отсюда присутствующие в тексте трагические оксюмороны: «не мнит лишь смертный умирать», «где стол был яств, там гроб стоит» и т.д.

Обнаруживается, что пред лицом единственной константы в мироздании – смерти – любая сущность, вне зависимости от продолжительности ее существования иллюзорна и сомнительна, она как бы не обладает истинным бытием:

Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Ибо, что значит *быть*, если однажды тебя не станет, и ты уже *не будешь*? Что тогда будет значить, что ты *был*? – Ничего! Существовал ли некий конкретный игуанодон X сто пятьдесят миллионов лет назад? Или конкретный кроманьонец Y пятнадцать тысяч лет назад? Вопрос бессмысленный, определяемый лишь тем, что мы имеем сейчас. Достоверность су-

² Первый русский перевод Юнга появился в 1772 году в журнале «Вечера». Его автором была М. В. Сушкова. Позже появились и другие.

³ Целиком издание всех глав юнговской поэмы в переводе Кутузова вышло в 1785 году под названием «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти нощах помещенные».

⁴ В оригинале: «The bell strikes one!» – «Колокол ударяет один раз!»

⁵ Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

⁶ Ларкович Д.В. Жанровая динамика «траурной» оды Г. Р. Державина // Известия Уральского государственного университета. № 3(65), 2009. Гуманитарные науки. [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_\\$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a13&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a13&doc=../content.jsp)

ществования фиксируется только тем, что существует здесь и сейчас. Мы располагаем окаменевшим костяком вот этого игуанодона или кремневым наконечником вот этого кроманьонца – и на сем основании выносим суждение: да существовал. Но про то, следы чего не сохранились во временном потоке до настоящего момента, невозможно говорить даже предположительно. Вернее, всякое индивидуальное бытие в подобной временной перспективе оказывается утраченным в родовом абстрагирующем допущении. Того, чего нет *сейчас* (пусть даже в своих «следовых формах»), не существует. И фактически не существовало. В том смысле не существовало, что оказалось редуцировано к «сейчасному» состоянию мира, полностью утратив индивидуальное бытие. В модели временной вселенной мы с неизбежностью приходим к отрицанию самоосновности индивидуального бытия. Индивидуальность лишается бытийности. Но это полностью противоречит внутреннему опыту индивида, буквально взрывает сознание любого рефлектирующего, то есть духовного, субъекта, открывая перед ним разверзающуюся бездну:

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.

В мире, пребывающем лишь во временном потоке, отсутствует всякая возможность смыслового истолкования существования индивида. Но хуже того, вообще всякого существования. Ибо перед лицом бесконечности и роды, так сказать, становятся субъектами космической мистерии, исчезая бесследно в цепи превращений. Если подходить к вопросу «математически», то оправдать любое, пребывающее в потоке времени существование, не представляется возможным. Оно оказывается ущербным в онтологическом смысле. Оно становится лишь промежуточным (и потому пустым, не имеющим самоосновного значения) звеном в бесконечной цепочке причинно-следственных вытеканий.

Державин открывает удивительную вещь: во времени не понять и не обосновать никакого смысла, ибо всякое «потому что» и «для того чтобы» оказывается само лишь

временным, следовательно, недостоверным обоснованием. Во времени обладает онтологической полнотой (следовательно, и смыслом) лишь то, что времени не подвластно. И это – с м е р т ь .

Вот почему столь пристально приглядывается к ней поэт, перебирая унаследованные культурой образы и клише. Е.Эткинд пишет: «Для ее изображения Державин использовал все когда-либо изобретенные (и ему известные) средства: Библию (известно, что «дни мои, как злак, сечет» восходит к псалму 102, стих 15), латинскую поэзию (прежде всего Горация: «бледна смерть»), средневековые «пляски смерти» (*Totentanz*), песенный фольклор, просветительскую метафизику. <...> Поразительно: чем материальнее каждый из этих образов в отдельности, тем полнее они отрицают друг друга; в итоге Смерть оказывается лишенной материальности. Четырнадцать отрицающих друг друга обликов создают образ небытия»⁷.

Но эта лишенная материальности, следовательно, вне времени существующая константа, наделена поразительной зоркостью и терпением. Собственно, она выделена из всего остального, претерпевающего рождение и гибель мира своей невозмутимой неподвижностью, способностью вечно ждать и вечно смотреть на приближающиеся к своему концу феномены:

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Однако этот, брошенный из вечности на гибнущее сущее взгляд перехватывается другим взглядом. Собственно, ода Державина и построена на поразительном и глубоко символическом скрещении этих взглядов. Если

⁷ Эткинд Е. Рождение «крупного слога» (Державин и поэзия Фридриха Второго Прусского) // Нортвические симпозиумы по рус. лит. и культуре. Т. 4 : Гаврила Державин, 1743—1816. Нортфилд; Вермонт, 1995. С. 179—180.

все остальное включающее звезды, планеты, горы, океаны, небесных, земных и подводных тварей мироздание налетает на неподвижную скалу смерти *сослепу*, то человек решается посмотреть ей в лицо. Смерть для всего личного бытия является лишь единовременным событием. И только в жизни человека она присутствует как вневременной фактор, как вызов и смысловая проблема, а, следовательно, та искомая система отсчета, которая выводит его из координатной сетки бессмысленного временного скольжения.

Именно в перспективе небытия мы обнаруживаем свою сомасштабность вечности. Державин открывает парадоксальную и трагическую истину: человек может быть человеком, то есть трансцендирующим, ищущим смысловую целостность существом лишь при условии собственной смертности. Именно она выводит его из потока времени, из бесконечного автоматического стягивания богатств, славы, наслаждений «прелестью и красами». И тогда:

Подите счастья прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Смысл земному бытию, смысл переживаемому моменту наслаждения, страсти, счастья, скорби, тревоги придает способность человека, сообразуясь с фактом собственной смертности, отказаться от тотальной детерминации имманентным и преходящим – почувствовать себя в пределе свободным от этих наслаждений, страстей, счастья, тревоги, скорби. Благодаря конечности нашего эмпирического существования мы способны вносить в него вневременные смысловые коррективы, препятствующие редуцированию индивидуального бытия к бесконечным причинно-следственным трансформациям. Индивид оказывается «самоосновным» лишь в той степени, в которой он способен ассоциировать себя с вневременным, лишь в той степени, в которой он осознал свою смертность, а значит свободу от имманентного. В державинской оде свидетельством и эквивалентом такого осознания становится сам лирический монолог поэта. «Интрига между текстом и смертью завораживает. Язык, способный назвать: «Смерть», вполне возможно, тем самым ее

умерщвляет», – пишет Д. Пашкин⁸.

Заразившись от Юнга скорбным, мистериальным характером лирических lamentаций, Державин, однако, несколько иначе подошел к метафизическому решению проблемы смертности человека. Констатируя в «Ночных размышлениях» трагичность и бесперспективность человеческого существования, Юнг видит в земной жизни лишь период приуготовления к истинному посмертному бытию: «Жизнь сия есть начало, тёмный свет, рассветание, утренний свет, преддверие бытия нашего. Закрыто еще позорище жизни, единая смерть, единая многосильная смерть в состоянии поднять тяжелый затвор оных...»⁹. Для Державина же земная жизнь самоосновна и самоценностна, однако эту осмысленную самоценностность она приобретает лишь в перспективе небытия.

Характерно, что в последней строфе державинской оды эмоциональность, экзотичность предыдущих строф резко идет на спад. Тон высказываний становится более ровным, примиряюще-спокойным, что особенно заметно на фоне только что прозвучавшего восторженно-мистериального утверждения: «Я в дверях вечности стою». И вот, после того как мы достигли с несомненностью непосредственного переживания вечности, можно «расслабиться», потому что главное найдено, смысл обретен. Исследователи обычно трактуют финал державинской оды как уступку горацанско-гедонистическому мировоззрению. Между тем этот, казалось бы, неожиданный успокоительный финал в смысловом отношении непосредственно связан с тем, что было только что высказано в предыдущих строфах в духе равнодушия к «возможным счастьям». Способность созерцать их истинные масштабы с позиции достигнутого «опыта вечности», не отменяет ценности земных радостей, но делает тебя свободным от их тотальности. Потому и ценится прежде всего

⁸ Пашкин Д. Философия текста. Русский Танатос. Проекция смерти в культуре и литературе. Топос (Литературно-философский журнал) <http://www.topos.ru/article/280>

⁹ «Плач Эдуарда Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти ночах помещенные». М., 1785. Ч. 1. С. 15.

«покой», потому и благословляется «удар судеб», что все это – составляющие осмысленной целостности «бытия к смерти», если воспользоваться терминологией Хайдеггера:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Нельзя не заметить, что внешне финал оды Державина перекликается с финалом известной оды Малерба «Утешение господину Дюперье», написанной по поводу смерти дочери адресата. Французский поэт призывает не роптать перед смертью, ибо:

Перед ее лицом нет места возмущенью,
Напрасен ропот твой.
Есть мудрость высшая — покорность провиденью:
Для нас лишь в ней покой.

Однако, если мотивировкой для успокоительного вывода Малерба послужила вполне каноническая христианская идея смирения перед Божьим промыслом (с подключением сюда утешительных райских мотивов), то Державин в своей оде подчеркнута избегает религиозных мифологем. Традиционная интерпретация отделения души от тела и переселения ее в особый мир превращена поэтом в автоматическую «скороговорку», заверша-

ющуюся обрывающимся в неизвестность вопросом, дезавуирующим любые посясторонние фантазии:

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.

Итак, Державин в оде «На смерть князя Мещерского» приходит к пониманию, что постановка вопроса о смысле существования вообще невозможна в рамках модели мира, целиком пребывающего во временности, хотя сама эта проблема имеет значение лишь для субъекта, переживающего коллизии временных трансформаций, заканчивающихся его исчезновением. Смысл обретается только в том случае, если в качестве ориентира у этого субъекта имеется нечто, выходящее за пределы временного потока. Таковой константой в имманентном мире явлений выступает смерть. Тем самым, лишь соизмеряясь с нею, временный в своем физическом существовании субъект получает возможность смысловой интерпретации бытия, выводящей его за пределы этой временности. Смерти как вневременной перспективы нет ни для одного живого существа, кроме человека. Именно поэтому лишь человек, являясь духовным существом, осознавшим свою смертность, обретает жизнь вечную. В буквальном смысле этого слова «смертью смерть поправ».

Alexey G. Mashevsky. Derzhavin's ode "On the death of Prince Meshcherskij" as an experience of understanding death

Summary

The article reviews the classic ode of G.R. Derzhavin 1779. The author also analyzes the relevance with Edward Young's "Night Thoughts". By showing Derzhavin's existential understanding of death the author draws the conclusion that self-reliable character could be acquired only through the death's perspective.

Keywords: death, G.R.Derzhavin, Edward Young, ode, classicism, out of time, ontological completeness.